

Тот врач, что попал под удар в тот день, носил фамилию Чжун. Ему было тридцать пять, и он был одним из лучших специалистов по восстановлению альфа-железа. Каждый год он спасал сотни пациентов с врождёнными дефектами или болезнями желез. Именно он занимался и лечением Ци Ханя после всего произошедшего.

Но жену того мужчины не успели спасти. Её состояние было слишком тяжёлым: альфа-железа полностью сгнила из-за инфекции, весь затылок сочился гноем, а заражённые ткани разрастались всё глубже. Даже ампутация не помогла бы, а лекарственная терапия лишь продлевала агонию.

В конце концов, она сама выбрала эвтаназию.

Муж сначала согласился. Они вместе подписали бумаги, держа друг друга за руки. Он даже помог ей накраситься перед уходом. Но на следующий день после кремации он вернулся в больницу с ножом.

Если мою жену не смогли спасти, то и другие, больные тем же, тоже не заслуживают спасения. Почему кто-то должен быть счастливым, когда она умерла?

Первый удар пришёлся на правое плечо врача. Широкий обвалочный нож с лезвием в 3 мм разорвал плоть и мышцы. После такого снова взять в руки скальпель было бы из разряда фантастики.

Второй удар обрушился на спину Ци Ханя. Уродливая, кровоточащая рана тянулась от левой лопатки до правого бока, и если бы лезвие прошло чуть выше, задев альфа-железу — он бы не выжил.

Фу Гэ услышал новости о нём только через два дня: состояние стабилизировалось, и Ци Ханя наконец перевели в обычную палату.

Но всё это время подача феромонов для Фу Гэ не прекращалась ни на минуту.

Только расспросив врачей, он понял, почему. Оказалось, что за неделю до случившегося Ци Хань в буквальном смысле обезумел: он увеличил частоту забора феромонов до такой степени, что иногда за день сдавал по четыре капсулы.

Его железа была истощена, как высохший плод, и после процедур охранники вывозили его из зала на каталке. Но он всё равно продолжал.

Так он накопил запас феромонов как минимум на пять дней вперёд, чтобы в любой ситуации, что бы ни случилось, Фу Гэ не остался без поддержки. Даже если бы сам оказался в тюрьме по его вине, он хотел успеть сделать для Фу Гэ всё возможное.

Каждое слово, сказанное тогда, когда он менял флешку на кольца, он действительно исполнил.

Ци Хань и впрямь платил за свои ошибки собственной жизнью.

На второй день после перевода в обычную палату Ци Хань наконец пришёл в себя.

Помимо бесчисленных старых ран, сильнее всего досталось спине и альфа-железе.

Он мог лежать только на животе, с голым торсом, и даже свежие бинты всего за пару часов пропитывались кровью. Воспалённая железа начинала гноиться: нежно-розовая плоть сочилась мутно-жёлтыми выделениями.

Фу Гэ не смел и представить, через какую боль ему приходилось проходить.

Когда Ци Хань открыл глаза, Фу Гэ уже давно сидел рядом, молча и неподвижно.

Увидев его, альфа даже не удивился. Лишь слегка моргнул, в полузатуманенном взгляде мелькнула слабая тень удивления, но в остальном он оставался спокойным.

Словно было совершенно естественно, что Фу Гэ должен быть рядом. Он словно привык к этому.

— Ты сегодня рано... Обычно ты приходил по вечерам... — прохрипел он, голос был осипшим и слабым, каждое слово давалось с трудом, словно рвало голосовые связки. Не дождавшись ответа, он вдруг усмехнулся, губы дрогнули: — Неужели пришёл меня отругать?

— Знаешь, мне сейчас такой сон приснился... Будто я пытался испечь малышу торт, но взорвал духовку. Он так испугался, что расплакался, а ты дёргал меня за ухо и не замолкал... — Он говорил медленно, слова распадались на обрывки, будто сам не до конца понимал, где заканчивается сон и начинается реальность.

Фу Гэ не понимал, о чём он говорит, и только молча смотрел, широко распахнув покрасневшие глаза. Лишь спустя пару минут до него дошло, что именно происходит.

Ци Хань думал, что всё ещё не пришёл в себя. Он думал, что Фу Гэ — это лишь его сон.

— Так вот оно что... — слабо усмехнулся Ци Хань, прищурившись. — Значит, брак — это и правда могила для любви? Поженились — и всё, ге больше не такой мягкий, как раньше... — Он медленно моргнул, приподнял руку и, не дотянувшись до лица Фу Гэ, провёл пальцем по воздуху, будто тронул его нос.

— Помнишь, я как-то поцарапал твою машину? Ты тогда сначала спросил, не поранился ли я. А тут всего-то духовку взорвал, а ты уже уши мне рвёшь...

Он говорил и вдруг осёкся. На мгновение лицо застыло, в глазах мелькнула боль.

— Хотя я знаю... Ты злишься. Настолько, что даже во сне не даёшь мне спокойно жить...

Фу Гэ крепко сжал пальцы, до боли в суставах, и прикусил губу так сильно, что на вкус выступила кровь.

— Нет... — его голос прозвучал глухо и сдавленно.

В глазах Ци Ханя тут же вспыхнула слабая искорка надежды. Он смотрел на Фу Гэ с такой отчаянной мольбой, что казалось, ещё миг — и он рухнет в бездну.

— Нет?.. Правда? — пробормотал он, полные ожидания и растерянности глаза дрожали.

Фу Гэ отвёл взгляд, опустил ресницы и снова, уже тише, повторил:

— Нет.

Мы не женаты. У нас нет ребёнка. И нет дома с духовкой, которую можно взорвать.

Всё это было только сном. И чем счастливее и теплее были те иллюзии, тем больнее реальность резала по живому, когда он просыпался.

Фу Гэ это знал лучше всех.

Но Ци Хань, похоже, всё ещё был наполовину в том сне. Он попытался приподняться, лицо его вспыхнуло слабым светом. Но он был так слаб, что руки не выдержали, и он рухнул бы на пол, если бы Фу Гэ не успел его подхватить.

Их пальцы соприкоснулись. Время замерло на пару секунд.

Ци Хань склонил голову, замирая в неловкой позе — наполовину упавший, наполовину удерживаемый. Он не шевелился, даже не моргал. Лишь спустя мгновение, когда почувствовал, как под бинтами разливается новая волна боли и тёплая кровь просачивается наружу, будто очнулся:

— Так это не сон...

Фу Гэ молча вернул его на кровать.

— Нет, — подтвердил он, не поднимая глаз.

Альфа, уткнувшись лицом в подушку, чуть дёрнул плечами. В покрасневших глазах смешались столько эмоций: горечь, стыд, страх...

— Прости... — прохрипел он и, сжав окровавленные пальцы, указал на руку Фу Гэ. — Прости, это я... наверное, случайно испачкал... я не заметил...

Фу Гэ не сразу понял:

— Что?..

Ци Хань шумно втянул носом воздух и быстро отвёл взгляд, опуская глаза на его руку. Голос его был едва слышен:

— Там... там кровь... моя. Я знаю, ты не выносишь это... извини...

Фу Гэ только сейчас заметил, что на его предплечье остался тёмно-алый отпечаток пальцев. Половина кровавого следа, уродливое пятно на белой коже. Он машинально перевёл взгляд на Ци Ханя: его альфа-железа снова кровоточила, гнойная кровь с оранжевым оттенком стекала по шее и капала на подушку.

Но сам Ци Хань, казалось, этого не замечал. Он упрямо смотрел на тот кровавый след, будто был уверен, что он — это грязь, от которой нужно поскорее избавиться.

Фу Гэ даже не дёрнулся за влажной салфеткой.

Он молча смотрел на отпечаток, иногда нерешительно касался его кончиками пальцев. Ярко-красное пятно на бледной коже выглядело так, будто он пережил какую-то жестокую расправу.

Ци Хань, стиснув зубы, приподнялся, чтобы дотянуться до салфеток, но вдруг замер, когда услышал:

— На летних курсах после старшей школы я признал одного человека своим учителем. Ты помнишь это? — неожиданно спросил Фу Гэ.

Ци Хань не сразу сориентировался в смене темы, лишь медленно сел, по-прежнему не решаясь посмотреть ему в глаза:

— Помню... Мистер Ци Дэлун. Я тогда всё время был с тобой...

Закончив фразу, он вдруг застыл. Глаза расширились от догадки:

— Ци Чуань и он... они... какое у них?..

— Учитель — дедушка мистера Ци, — равнодушно ответил Фу Гэ.

Глаза Ци Ханя расширились, дыхание застыло в горле.

— Между мной и ним ничего нет. Сладости я готовил для учителя, «Красноклювая птица» тоже была нарисована для него. Бульон я варил только в знак благодарности, и больше такого не будет. Все тридцать капсул феромонов — твои, я уже всё знаю.

Фу Гэ одним махом разъяснил всё, от начала до конца. Затем поднял на него глаза, голос оставался ровным:

— Ещё вопросы есть?

— Я... я... Сяо Гэ... Мне не нужно...

Ци Хань сидел как громом поражённый. Он смотрел на Фу Гэ, не веря своим ушам. Казалось, его только что вытащили из ледяной воды — сердце билось так сильно, что руки и ноги будто отнялись.

— Ты... тебе не нужно мне ничего объяснять, правда, не нужно... Мне всё равно... Как угодно, лишь бы тебе было хорошо, лишь бы ты улыбался...

Но Фу Гэ не отводил взгляда. Его губы дрожали, глаза покраснели, он втянул носом воздух, и выражение лица у него было, как у котёнка, которого несправедливо наказали.

— Не нужно объяснять?

— Пять лет назад я пытался объяснить, ты не слушал. Сейчас я объясняю — ты снова не слушаешь? Ци Хань, после всего, что произошло, ты совсем ничему не научился?

Альфа мгновенно занервничал, как ошпаренный, рванулся вперёд, пытаясь ухватиться за его руку:

— Слушаю! Я слушаю! Ге, я всё слушаю, каждое слово, обоими ушами!

Рана на спине снова открылась, боль пронзила его насквозь, и тело, ослабленное до предела, качнулось. Но стоило руке Фу Гэ податься вперёд, как Ци Хань молнией прильнул к нему.

— Не то чтобы я не хочу слушать... Я боюсь слушать... — его голос затих до шёпота.

Фу Гэ нахмурился, но руку не убрал. Ци Хань вцепился в неё мёртвой хваткой, и стоило ему попытаться отстраниться, альфа тут же начинал стонать от боли, но стоило ослабить хватку — прижимался ещё крепче, отчаянно прижимаясь щекой к его локтю.

— Я не хотел рвать твой рисунок. — голос его сорвался на всхлип. — Я так сильно жалел об этом, что готов был сам себя задушить... Ты даже не представляешь, как я хотел, чтобы ты снова начал рисовать... Когда я увидел тебя с кистью в руках, мне хотелось орать от радости. Но... потом я снова сорвался. Снова всё испортил.

— Потому что... — Ци Хань тихо всхлипнул, уткнувшись мокрым носом в предплечье Фу Гэ. Из глаз медленно скатились слёзы, впитываясь в ткань. Его голос был хриплым, сдавленным, перемешанным с носовыми всхлипами:

— Потому что это мой медвежонок...

— Пожалуйста... не отдавай моего медвежонка кому-то ещё... Только он может доказать, что я тоже когда-то был для тебя особенным...

Бриллианты давно раскрошены в прах, рисунок сгорел в огне, даже тот шёлковый браслет, который Фу Гэ когда-то с такой заботой велел ему хранить, был разрезан на куски.

Кроме тела, израненного шрамами и гноящейся альфа-железы, у Ци Ханя больше ничего не осталось.

С четырнадцати лет он был один. А теперь, в двадцать три, он обрёл только ещё больше кошмаров и ненависть любимого человека, которую уже не мог ничем загладить.

Кроме медвежонка, которого Фу Гэ больше никогда не нарисует для него, у него не осталось ничего, что могло бы доказать: когда-то он был любим. Когда-то его спасали.

Молчание повисло таким тяжёлым, что даже вечерний ветер застыл, не смея пошевелиться.

И когда Ци Хань уже опустил плечи, готовясь смириться, в ту самую последнюю секунду, когда пальцы начали разжиматься, Фу Гэ вдруг тихо произнёс:

— Я не отдавал.

— Всё, что я обещал тебе, я никому больше не отдавал.

Фу Гэ вытащил что-то из кармана и резко прижал к лбу Ци Ханя. Тот застыл столбом, не в силах понять, что вообще происходит, а Фу Гэ, быстро выпалив:

— Ты отдыхай, — бросился к двери и тут же выскочил из палаты.

Ци Хань так и остался сидеть, полусогнувшись, обнимая воздух. Он тупо уставился на закрытую дверь, и только спустя три секунды до него начало доходить. Какой-то странный провод в его голове вдруг замкнулся на место, и он с потрясением подумал, что в спешке убегающий Фу Гэ выглядел... смущённым?

И тут его ноздри уловили лёгкий запах свежих чернил. Липкая и тёплая нотка печати разливалась от его лба по всей комнате.

— Чэнь Син! Чэнь Син, быстро сюда! Чэнь Син!

— А? Чего орёшь-то, да иду! — Чэнь Син, словно ужаленный, влетел в палату, но едва взглянул на Ци Ханя, как шархнулся: — Да твою ж мать! Ты что это... на лбу?!

— Заткнись! Закрой пасть! — заорал Ци Хань, ладони у него потели так сильно, что казалось, они сейчас начнут капать. Пальцы дрожали, когда он трясущейся рукой ткнул в сторону шкафа: — Зеркало! Принеси мне, мать твою, зеркало!

Чэнь Син только моргнул и, не спрашивая лишнего, схватил настольное зеркальце и метнул его Ци Ханю. Тот едва поймал, обхватил двумя руками, но смотреть не стал.

Он громко выдохнул, потом сделал ещё несколько глубоких вдохов, что-то бормоча себе под нос, будто заговор читал. Потом медленно уткнулся лицом в подушку, будто собираясь прыгать в ледяную воду.

Зеркало приподнялось одновременно с веками.

Ци Хань взглянул всего раз, и тут же шмякнулся лицом в подушку, как раненая рыба. Спустя полминуты с кровати раздались тихие и смешные всхлипы, перемежающиеся то ли нервным, то ли счастливым смехом.

А на лбу у него красовался отпечаток: маленький медвежонок, обнимающий горшочек мёда.

Простенький рисунок медвежонка остался в прошлом. Теперь у него был обновлённый, улучшенный медвежонок — в виде печати.

<http://bllate.org/book/14453/1278326>